

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗНАКА В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА

Многочисленные исследования последних лет посвящены особенностям состояния современного общества, которое называется исследователями информационным, обществом постмодерна или постсовременным обществом [16]. Неудивительно, что лингвистика, предметом которой является язык, служащий средством описания, а возможно, и конструирования или, напротив, разрушения общества, тоже ставит перед собой вопросы об особенностях языка в современной эпохе, и в частности особенностях знака.

По нашему мнению, наиболее важные понятия, позволяющие осознать процессы в языке современной эпохи, – матрица и симулякр. Классический знак как единство означающего и означаемого превращается в симулякр. Симулякры, в свою очередь, становятся неотъемлемыми узлами матрицы постмодернистского дискурса.

Матрица понимается как структура или призма, сквозь которую человек определенной эпохи видит мир. В этом смысле матрица есть ключевой порядок в познании мира этой эпохи, создаваемый соотношением «слово-вещь» или, другими словами, соотношением означаемого и означающего внутри знака. Такое понимание восходит к Мишелю Фуко, который, проследивая историю развития знака от классической парадигмы до современной в книге «Слова и вещи», выделяет четкие схемы мышления («эпистемы»), характерные для определенных периодов времени: период Ренессанса – язык служит «зеркалом мира», слова и вещи тождественны друг другу, непосредственно соотносимы друг с другом и даже взаимозаменяемы (слово-символ); классическая эпоха – слова и вещи лишаются непосредственного сходства и соотносятся лишь опосредованно, через мышление, в пространстве представления; современная эпоха – слово больше не обозначает вещь, а лишь ссылается на нее, связь между означающим и означаемым внутри знака становится все слабее и слабее [13].

Выделение трех этапов соотношения планов выражения и планов содержания внутри знака, как, впрочем, и типичный для данных этапов характер соотношения, свойственны также схемам, выведенным Ж.Бодрийяром и С.В.Лещевым. Жан Бодрийяр разделяет этапы: «первобытное» общество (докапиталистическое общество), стадию «политической экономики», то есть буржуазно-капиталистическую цивилизацию, вместе с ее экономическими и культурными атрибутами, включая соответствующую ей социально-критическую теорию (марксизм), и, наконец, «нынешнее» состояние вещей, этап, на котором ценности второй стадии растворяются в новой общественной организации, где основным признаком считается универсальное распространение «симулякров» [3].

* © У.В. Смирнова, 2006

В отличие от Жана Бодрийяра и Мишеля Фуко С.В. Лещев не ставит акцент на историческом этапе, а «привязывает» соотношение означающего и означаемого («практику знака») к практике социального устройства: тирании, аристократии и демократии. По Лещеву, для тиранического социального устройства характерен такой порядок, когда вещи имеют место, мир познаваем с абсолютной точностью, наука отождествляется со знанием, знак есть **тождество** означающего и означаемого; для аристократического – вещи имеют относительное место, мир познаваем с определенной степенью точности, наука является знанием, но допускает мнения, знак есть **слияние** разделенных означаемого и означающего, отношение между которыми можно охарактеризовать отношением **различия**; для демократического – вещи не имеют места, мир не познаваем или познаваем с очень низкой степенью точности, наука отождествляется с мнением, знак не простое статическое различие означаемого и означающего, но их динамическое **различение** (difference – «отсрочка», «отстояние», понятие, введенное Ж.Деррида [7]), при котором «решение о той или иной связности проходит сквозь некую задерживающую сигнал инстанцию, в результате чего происходит как бы асимптоматическое стремление означаемого к означающему, никогда не достигающее цели» [10: 143 -144, 148-150].

Онтолого-философское понятие «симулякр», введенное Бодрийяром и отражающее современное состояние знака, характеризует последнюю завершающую стадию развития знака в каждой из схем. Впервые это понятие встречается у Платона, который разделяет верные подражания-копии модели-оригиналу (эйдосу) и неверные подражания-симулякры. Жиль Делез возрождает это понятие и вводит его в теорию симулякров при анализе эстетики и художественного творчества [6]. Заслуга и принципиально новый подход Бодрийяра заключается в том, что он впервые употребляет слово «симулякр» как средство описания современной социальной реальности [3; 4].

Анализируя экономические, социальные и культурные сферы, Бодрийяр убеждается, что процессы, происходящие в них, параллельны (например, безреференциальным знакам кибернетических систем соответствуют не обеспеченные устойчивым золотым стандартом, «плавающие» денежные знаки современных валют). Более того, анализ общественного быта вселяет в него тревогу о симуляции как об охватившем все общество процессе (см. его примеры «симулякра природы», обозначающего идею природы и искусственно создаваемого в своем быту отпусником; симулякра истории, искусственно поддерживаемого в современном доме благодаря вкраплению в него кое-каких фрагментов старинного здания, разрушенного при его постройке; теста и референдума как «идеальных форм симуляции», в которых «ответ подсказывается вопросом, заранее моделируется/обозначается [design-ée] им» [3: 38-39, 82-83, 134].

В своем определении симулякра Жан Бодрийяр опирается на Ролана Барта, на его понятие мифа как единицу ложного, неподлинного смысла, функционирующего в культуре. Но в бартовском мифе означаемое еще присутствует, хотя оно «истекает кровью», «испаряется» [1: 110-111]. На нем вампирически паразитирует вторичное «мифическое» значение, но смысл «продолжает жить, питая собой форму мифа» [там же: 81-82]. В симулякре же нет места смыслу, это ложное подобие, видимость, условный знак чего-либо, функционирующий в обществе как заместитель смысла; это псевдознак, оторванный от реальности и творящий гиперреальность, которая является «синтетическим продуктом, излучаемым комбинаторными моделями в безвоздушном гиперпространстве» (Ж.Бодрийяр, цит. по: [12: 108]).

Главное условие существования симулякра – это устранение всякой соотнесенности, ликвидация всех референтов и их искусственное воскрешение в системе знаков. Речь идет «о замене реального знаками реального, т.е. об устрашающей манипуляции над всем реальным процессом его операциональным двойником» [14: 11].

Симуляция по Бодрийяру непосредственно связана с понятием «код». Его понимание отличается от понятия «код», устоявшегося в семиологии. Так, Умберто Эко пишет о кодах как о системах конвенций, сложившихся в культуре: это культурные коды, включающие системы поведения и ценностей; проявляющиеся в этикете (как системе жестов, конвенций, табу, иерархий); в системах моделирования мира (мифах, легендах, отражающих глобальное видение мира с позиций какого-либо сообщества); в построении конкретных сообщений определенной культуры [17]. Данные коды отражают подлинную коммуникацию, но в современной эпохе она все больше и больше заменяется мнимой в связи с процессами подмены конвенциональных кодов, сформированных на основе символов, олицетворяющих слово, вирусными, фиктивными кодами, сформированными симулякрами, олицетворяющими подмену слова и конвенциональных значений [12: 100-101]. Коды обезличиваются, трансмутируют, зараженные вирусом, и, как следствие, «движение семиозиса – развитие знаковых систем – при этом столь искажается, что мир символической, как носителя значений, становится неузнаваемым для человека» [там же].

В этом искажении самое главное проявление символического насилия (вытеснение из индивидуального сознания одного символического кода другим), главным условием которого является всеобщая коммуницируемость общественно-политического пространства. Коммуницируемость подразумевает открытость для коммуникационного, что, в свою очередь, и есть игра знака – игра означающего, оторвавшегося от означаемого и пустившегося в свободное плавание. Так возникает анонимная обезличенная сила, «коммуницирующая сама по себе» [там же: 13]. В этом вся опасность мнимой коммуникации. Помимо определившейся в языке идеологической сетки (матрицы), которую та или иная группа, класс, социальный институт и т.п. по-

мешает между индивидом и действительностью, понуждая его думать в определенных категориях, замечать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые эта сетка признает в качестве значимых [1], возможны процессы, которые вовсе не обязательно должны быть осознаваемыми и контролируемыми. Другими словами, коды, имплантируемые властью с целью формирования своего собственного дискурса идеологий и конструирования окружающей социальной реальности в целях полного господства, перемешиваются и вытесняются автономными и анонимными кодами.

Итак, код, по Бодрийяру, есть некий закон, регулирующий новейшую форму симуляции, «эмблемой которого служит мода». Этот код – чистая дифференциальная игра означающих, «феерическое головокружение от утраты всякой референции», отсутствие внутренней детерминированности и как следствие «свобода безграничных подстановок и перестановок» [3: 170-174].

Понять современную культуру с ее калейдоскопической игрой означающих (игрой знака) можно при анализе знака внутри так называемой дискурсивной матрицы (термин, введенный И.А.Мальковской, [12]), в которой единство плана выражения и содержания локализовано в системе воздействия. Главный вопрос, который ставит перед собой исследователь, рассматривающий дискурсивную матрицу: почему этот знак был использован в этом месте дискурса и чего говорящий хочет добиться? Более того, анализ дискурсивной матрицы обязательно требует выхода в контекст культуры (понятие Б.Малиновского, [11]), и только дискурсивная матрица, которая объединяет дискурс как язык и как культуру, предоставляет коды к разгадке смыслов знаков, передающих культуру.

Очень важно отметить, что матрица дискурса имеет способность наделять знаки, заполняющие ее в ходе дискурсивного развертывания, новыми смыслами или способствовать приращению смысла. С этой точки зрения дискурсивная матрица является некой структурой, в которой происходит наделение знаков смыслом или означивание, по Барту [1], о чем С.В.Лещев говорит как о приобретении дополнительной локутивной значимости сообщения в процессе скольжения означаемого сквозь дискурсивные потоки коммуникации («эффект дискурсивного восполнения») [10: 84], а В.Г.Борботько – как о «генераторе семантики» [5: 25, 27-28].

Одно из проявлений игры знака представляет эвфемизация как эффективное средство «устранения неприятного факта путем изменения способа его констатировать» [15: 179]. Это создание такого сообщения, в котором неприятные, отталкивающие, тревожные факты «замалчиваются», «заклинаются», благодаря чему человек ощущает в мире успокоительную упорядоченность. Так, в дискурсе президента США Джорджа Буша, интенционально ориентированном на события 11 сентября 2001 года, скрытая номинация «военные действия» прячется за эвфемизмами «историческая миссия Америки», «призыв истории», «справедливое дело», «борьба за свободу», «обновление мира», «реконструкция мира», «борьба за мир» (проведение политики мира), «защита будущего от страха, террора и беззакония», «обеспечение безопасности наших детей», «противостояние агрессивным амбициям злых сил», «сохранение цивилизации», «восстановление справедливости» (to pursue peace; to defend ourselves and our future against terror and lawless violence; to deliver our children from a future of fear; to oppose the aggressions and ambitions of the wicked early, decisively and collectively before they threaten us all; to pursue those who threaten it (peace); to keep the most basic commitment of civilization; to bring them (terrorists) to justice). Обратной стороной эвфемизации является симулятивная интеллигентность знака, которая обеспечивает кажущуюся определенность ситуации: знаки кажутся ясными и понятными, внушают доверие и спокойствие.

В анализируемом нами дискурсе другим проявлением игры знака служит стигматизация (навешивание ярлыков). Ярлык – это всегда синтетический продукт, вобравший в себя синтетические чувства [4: 207]. Язык ярлыков беден: «в нем много значений и нет смысла», но это «фундаментальный лексикон», которым «испещрены закоулки нашего сознания». Он абсолютно внесинтаксичен: различные ярлыки «размещаются последовательно или параллельно, сменяют друг друга во времени, но между ними не происходит ни сочленения, ни взаимоперехода; это словарь блуждающих элементов, поглощающих друг друга и живущих неустанном самоповторением». «Это язык сигналов, который всегда представляет собой лишь условный рефлекс управляемой аффективности» [там же].

Враг Америки – «темнота», «темные силы», «инструменты зла», «слуги зла»; это «культ зла, за которым стоят люди, убивающие беззащитных и находящие удовольствие в людском страдании»; это «зло, которое питается людскими страданиями»; это «самый страшный вид зла, чистое зло, которое осмеливается утверждать, что действует во имя бога»; это «авторы массового убийства» (the cult of evil, the instruments of evil, a willing servant of evil, evildoers, the authors of mass murder, evil, the very worst of human nature). Синтетический продукт, наполненный мифоидеологическим содержанием, воздействует на эмоции и чувства людей, создает образ всемирного зла, что, в свою очередь, иррадирует на интерпретацию ведения военных действий на территории Афганистана и Ирака, которые представляются как предотвращение-защита-сопротивление-уничтожение зла (to protect – to prevent – to self defend – to defend – to take defensive measures – to confront (the evil) – to defeat (the evil) – to take the battle to the enemy – to stop (the enemy) – to destroy (the evil), а не агрессивная политика расширения сфер влияния.

Примечательна, хотя и неудивительна, привязка к ценностям: террористы – это «враги законности, морали и религии и свободы» (an enemy of all law, all liberty, all morality, all religion; freedom's enemies), то есть тех ценностей, «на которых базируется мир и прогресс». Угроза терроризма в том, что «он выступает против наших ценностей – ценностей цивилизованных людей». «Он хочет разрушить Нашу свободу и навязать свои взгляды». «Он ненавидит само наше существование, Нашу терпимость, открытость, креативность». Так, мы убеждаемся, что аффективная составляющая, так же как и манипулирование ценностями, связанное с аксиологичностью человеческого сознания и его ориентацией на принятые субъектом ценности, играют немаловажную роль в игре знака: эмоции и чувства, апеллирующие к ценностям, питают ложный знак, служат его опорой и поддержкой. Безусловно, террористы есть зло, но подвергнувшаяся кодированию аудитория уже не отличается, где террористы, а где мирные жители, женщины и дети, которых убивают в процессе ведения военных действий.

Ценности, упоминающиеся в дискурсе, – это зачастую имплантируемые ценности, такие, например, как решимость (к борьбе за мир) и ответственность (за принимаемое сегодня решение). Но опора на ценности (свобода, справедливость, плюрализм, возможности), уже присутствующие в социуме, всегда беспроигрышна. По мнению Бодрийяра, современные идеалы и ценности часто являются лишь идеальной сущностью, от которой они оторвались, которую безнадежно стремятся догнать и которая остается далеко позади [3: 149]. Это погоня за тенью. В самом деле, в исторической схеме «трех порядков» симулякров, сменяющих друг друга в новоевропейской цивилизации от Возрождения до наших дней: «подделка – производство – симуляция» [3], на «подделочной» и «производственной» стадии вещественные симулякры получались путем копирования некоторых реально существующих образцов. Но на стадии «симуляции» образцов фактически нет – они отброшены в абсолютное прошлое «утерянных и никогда не бывших объектов» (так характеризуется «реальное» у Лакана: «реальное» как принципиально недоступный, навеки утраченный объект [9], или, что то же самое, маячат где-то в недостижимом будущем «воображаемого».

С разрывом воображаемого строя вещей в процессии симулякров происходит распад рациональности и ликвидация ценностей. Поэтому, когда разум человека попадает во власть простого, чистого чередования знаков при условии отсутствия каких бы то ни было координат, война ради справедливости, свободы и плюрализма становится важной необходимостью, хотя объяснить, что представляет собой процесс ведения этой войны и ее последствия, очень сложно, как, впрочем, и объяснить, что есть ценности, ради которых она ведется.

«Свобода» – один из самых ярких симулякров дискурса, под лозунгом которого ведется война. Она становится названием военной операции США (The name of today's military operation is Enduring Freedom. We defend not only our precious freedoms, but also the freedom of people everywhere to live and raise their children free from fear) и вытесняет сему «военные действия» в далекий импликационал. Интерпретация предпринимается правительством действий выстраивается в свете единого горизонта интерпретации победы США и победы свободы: In the missions ahead for the military, you will have everything you need, every resource, every weapon -- (applause) -- every means to assure full victory for the United States and the cause of freedom. (Applause.) Означающее «свобода», прототипически связанное с означаемыми, постепенно стирается. Его прототипическое значение: 1) свобода выбора человека (человек – архитектор собственной судьбы) (восходит к Биллю о правах Франклина, конституции Джефферсона; 2) свобода как осознание своей миссии в этом мире в соответствии с божьим призывом (Мартин Лютер) – подменяется симулякром в нескончаемой цепочке симулякров.

Дискурс «послеодинадцатое сентября» Джорджа Буша привлекает внимание своеобразным характером времени: помимо традиционной обращенности в настоящее, будущее и прошлое, явно присутствует «замершее», «застывшее» время – это время мира, в котором события 11 сентября «консервируются» в памяти. По мнению Жана Бодрийяра, особый фактор времени, особая темпоральность есть одно из главных проявлений симуляции. Переводчик и комментатор Бодрийяра С.Н. Зенкин пишет, что симулякр Бодрийяра «не что иное, как особый эффект времени, когда оно утрачивает свой линейный характер, начинает сворачиваться в петли и предъявлять нам вместо реальностей их призрачные, уже отработанные копии» [3].

Мир «послеодинадцатое сентября» строится вокруг определенной точки, которая постоянно возвращает вас в мир, пропитанный памятью о страшной трагедии, где присутствуют постоянная угроза, страх возможного нападения и горечь утраты. События, связанные с этим днем, начинают определять жизнь и мировосприятие человека независимо от времени, прошедшего со дня страшной трагедии. 11 сентября перестает быть днем памяти трагедии, но становится альтернативным миром, вмещающим огромное количество симулякров, навязывающих свои модели поведения, ориентации и эвлюации.

Процессия симулякров искажает экзистенциальную ситуацию современного человека. Существование человека становится призрачным, когда место реальности занимает симулякр, оставивший реальность в далеком, забытом прошлом. Симулякры «выражают и замещают нас» [8], что ведет сначала к фрагментации, а потом к исчезновению человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / Р. Барт; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
2. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт; — пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. — М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. — 512 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. — М.: "Добросвет" 2000 — 387 с.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей/ Ж. Бодрийяр. — М.: Рудомино, 2001. (Электронный ресурс)
5. Борботько В.Г. Принципы Формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. — М.: КомКнига, 2006. — 288 с.
6. Делез Ж. Марсель Пруст и знаки / Ж. Делез: пер. с франц. Е.Г.Соколова. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1999.
7. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля / Ж. Деррида. — СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1999.
8. Кристева Ю. Душа и образ / Ю. Кристева // Интенциональность и интертекстуальность. — Томск: Водолей, 1998. (Электронный ресурс)
9. Лакан Ж. Телевидение / Ж. Лакан; пер. с франц. А.Черноглазова. — М.: ИТДК «Гнозис», Логос, 2000.
10. Лещев С.В. Коммуникативное следовательно коммуникационное: монография / С.В. Лещев. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 172 с.
11. Малиновский Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский: пер. с англ. — М.: Рефл-бук, 1998. — 304 с. Серия «Astrum Sapientiae»
12. Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. Изд. 2-е, испр. / И.А. Мальковская. — М.: КомКнига, 2005. — 240 с.
13. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — СПб., 1994. (Электронный ресурс)
14. Чешков М.А. Глобалистика как область научного знания / М.А. Чешков // Глобалистика: Энциклопедия. «Диалог» — М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003.
15. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. — М.: ИТДК «Гнозис», 2004. — 326 с.
16. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер: пер. с англ. — М.: Аспект Пресс, 2004. — 400 с.
17. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. — СПб.: Петрополис, 1998 — 544 с.

Я.В. Соколовский*

ИЗОМОРФНЫЕ СВЯЗИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДЛЯ ЯЗЫКОВОЙ ПАРЫ КИТАЙСКИЙ-РУССКИЙ (на примере перевода художественных произведений)

Как известно современному языкознанию, любой язык — это система, имеющая определённую структуру и состоящая из определённых элементов. Это обстоятельство роднит все человеческие языки и свидетельствует о глубинном сходстве моделей, по которым они построены [1. С.378]. Очевидно, что в силу этого языки также могут служить иллюстрацией феномена изоморфизма — отношений тождества между двумя разными системами, где каждому элементу и функции одной системы соответствуют аналогичные составляющие второй системы или нескольких систем одновременно.

Следствием универсальности языковых моделей является возможность изоморфности смысла при переводе. Эта возможность и обеспечивает коммуникацию людей, говорящих на разных языках и живущих в разных культурах. В настоящее время в теории перевода данный подход нашёл отражение в работах Ю.Найды, Т.А. Казаковой и других учёных [2; 3; 7].

Концепция изоморфизма вынуждает нас обратиться к понятию инварианта в переводе. Л.Л. Нелюбин указывает, что «...инвариантным, т.е. неизменным, в процессе перевода остаётся функциональное содержание исходного сообщения как семантическое, так и прагматическое, определяемое соотношением между функциональными характеристиками текста и, в конечном счете, коммуникативной установкой» [4. С.61]. Ниже мы находим важное, на наш взгляд, примечание о том, что инвариант — это «...абстрактное понятие, которое может лишь мысленно выделяться из конкретно существующих вариантов, сам же инвариант материализоваться не может, любая его материализация превращается в вариант». Иными словами, представляется возможным определить инвариант перевода через соотношение содержания текста и коммуникативной ситуации (контекста).

Таким образом, смысловые структуры и исходного, и переводного текстов должны являть собой инвариант перевода и находиться друг с другом в отношении изоморфизма.

* © Я.В. Соколовский, Красноярский государственный университет, 2006.